

Анатолий Гируцкий

Белорусский государственный педагогический
университет имени Максима Танка

ПЕРЕВОДЫ ПОЭЗИИ Я. РАЙНИСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО БИЛИНГВИЗМА

Целью данной статьи является выявление национально-культурной специфики переводов поэзии Я. Райниса на русский язык и языковых средств сохранения национального колорита в переводах.

Художественный билингвизм занимает видное место в развитии и взаимообогащении языков и литератур. С тех пор как существует художественная литература, существует и взаимодействие языков в этой области. Оно обуславливается прежде всего закономерностями развития мировой литературы, единством ее литературного процесса. Как справедливо утверждал академик М.П. Алексеев, изолированных национальных литератур не существует, все они «взаимосвязаны то общностью своего происхождения, то аналогиями в своей эволюции, то наличием существующих между ними непосредственных отношений и взаимовлияний, то, наконец, двумя или тремя указанными условиями одновременно в их разнообразных возможных сочетаниях» [Алексеев 1946: 179]. В равной степени не существует изолированных друг от друга языков. Любой литературный язык развивается не только за счет своих внутренних ресурсов, но и путем взаимодействия и контактирования с другими языками.

Художественный билингвизм как факт литературного творчества прослеживается еще с античной эпохи, для которой характерны латино-греческая и греко-латинская формы двуязычия как свидетельство взаимодействия и взаимовлияния латинского и греческого языков, литератур и культур Рима и Эллады. Так, в языке поэмы римского поэта Лукреция (около 98 – 55 гг. до н. э.) «О природе вещей» исследователи обнаруживают довольно большое количество грецизмов, часть из которых используется поэтом в художественно-

стилистических целях. На язык «Римской истории» Аппиана (II в. н. э.), написанной на греческом языке, сильное влияние оказал латинский язык. Различные формы художественного двуязычия и многоязычия присущи литературе последующих эпох, прослеживаясь в литературе практически всех стран и континентов [об этом см. подробнее: Гируцкий 1990: 10 - 20].

Традиционное понимание литературного двуязычия как творчества на неродном языке или двух языках покоится в первую очередь на различиях, обусловленных процессом творчества только на языке, который является для писателя родным, и его спецификой на неродном или двух языках. Эти различия в образной форме отразил И.С. Тургенев, который утверждал: «Можно писать только на своем языке. Когда я пишу по-русски, я свободен. Когда пишу по-французски, я чувствую себя стесненным. Когда пишу по-английски, то мне кажется, будто я надел на ноги слишком тесные сапоги» [Алексеев 1946: 12]. Якуб Колас, писавший по-белорусски и по-русски, отмечал: «Русский язык не может вызвать в таком полном объеме, когда я пишу, тех ощущений, тех чувств и той колоритности, которые свойственны белорусскому языку, белорусским картинам, в каком дает белорусский язык, с молоком матери вошедший в мою природу» [Колас 1977: 22]. Безусловно, такая несвобода является одной из причин появления инновационных языковых средств в художественном тексте. Однако чаще всего включение в текст произведений элементов другого языка обусловлено объектом художественного отражения, законами художественного творчества. Например, в эпопее Л.Н. Толстого «Война и мир», для которого русский язык является родным, половина действующих лиц говорит по-французски, что обусловлено фактом существования русско-французского двуязычия в повседневной жизни того времени.

Художественная литература является одним из путей проникновения заимствований в тот или иной язык. Употребление иноязычного слова в художественной речи может послужить первым шагом к его закреплению в данном языке, привести к изменению семантического и стилистического объема, функ-

ций элементов заимствующего языка, к активизации той или иной словообразовательной модели. Например, употребление в своих произведениях на русском языке А.С. Пушкиным, М.Ю. Лермонтовым, А.С. Грибоедовым и другими писателями и поэтами грузинских слов привело к проникновению в русский язык значительного количества грузинизмов. Огромно количество тюркизмов в произведениях русских писателей, связанных с тюркской тематикой, что способствовало закреплению тюркизмов в русском языке. В гоголевский период в русский язык через художественную литературу вошла целая серия украинских слов.

Поэтому в более широком плане художественный билингвизм можно определить как творчество с использованием в художественных текстах инонациональных языковых средств. Элементы других языков используются в них как художественное средство для отражения живой действительности с ее социальными, религиозными, политическими, национальными, языковыми особенностями. При этом ситуация двуязычия в художественном тексте может отражаться двояко: в сюжетно-тематической структуре произведения и в его языке. Например, достаточно точно охарактеризовал распределение языков и их функции в Беларуси середины XIX в. В. Короткевич в романе «Каласы пад сярпом тваім»: в кругах белорусской аристократии на приемах преобладает французский язык, несмотря на поражение восстания 1830 г., еще широко употребляется и польский язык; активно начинает распространяться русский язык, а белорусский язык все еще остается «мужицким» языком. Характерной особенностью стиля романа болгарского писателя И. Вазова «Под игом» является смешение языковых пластов, где болгарский язык обслуживает низовую жизнь, тюркизмы – общение на бытовом уровне, русизмы – область политики, европеизмы – сферу философско-нравственных размышлений. Иноязычные элементы помогают передать национальный колорит, особенности языковой ситуации описываемого периода, служат средством речевой характеристики персонажей. Они выступают также в качестве дополнительной смысловой,

эмоциональной и экспрессивной характеристики образов. В поэтических произведениях иноязычные вкрапления часто используются для создания звукописи, каламбуров, в иных поэтических целях. Однако злоупотребление ими снижает эстетическую ценность художественного произведения.

Крупнейшие теоретики перевода относили перевод к художественному творчеству. Так, А.В. Федоров утверждал, что перевод художественной литературы «разрешает художественные творческие задачи, требует литературного мастерства и относится к области искусства» [Федоров 1968: 21]. Г. Гачечиладзе полагал, что «художественный перевод относится к области художественного творчества, подчиняется его закономерностям и языковыми законами находится в таком же отношении, как и оригинальное творчество» [Гачечиладзе 1980: 88].

Во многих лингвистических трудах перевод рассматривается как особый вид двуязычия. Б.А. Ларин подчеркивал, что «перевод есть высшая, а именно: вполне дифференцированная форма билингвизма» [Ларин 1962: 6]. В.Н. Комиссаров указывает на то, что «отличительным признаком перевода является участие в процессе общения двух языков, его двуязычный характер» [Комиссаров 1980: 31]. В этой связи нельзя не упомянуть о том, что перевод может оказывать значительное влияние на развитие системы того или иного языка, то есть иметь результатом обычные последствия билингвизма. Общеизвестно, что на развитие русского языка, особенно его лексической системы, значительное влияние оказали в свое время переводы с западноевропейских языков. Недостаточность словообразовательных средств русского народного и книжно-церковнославянского языков приводила к тому, что в переводах появлялось множество непереведенных слов и калек. Художественный перевод является, таким образом, одной из форм литературных взаимосвязей между народами, в процессе перевода происходит взаимное проникновение и обогащение литератур, культур и языков.

Определенное представление об особенностях латышско-русского художественного билингвизма дает переводная поэзия Я. Райниса. В русском переводе наиболее полно представляет творчество поэта трехтомник, изданный в Риге в 50-х годах XX века издательством «Латгосиздат». В 90-х годах XX века издательством «Художественная литература» издан двухтомник избранных произведений Я. Райниса. Переводы его стихов осуществляли такие известные мастера слова, как А. Ахматова, В. Брюсов, Вс. Рождественский, Б. Томашевский и др. Я. Райнис – писатель мирового масштаба. Для латышской литературы он то же, что Пушкин для русской, Купала для белорусской, Шевченко для украинской литературы. Как справедливо утверждает один из исследователей творчества Я. Райниса, «позаимствовав у мастеров мирового класса архитектурные знания, Райнис поднял латышскую поэзию от уровня плотницкого ремесла до высоты классического домостроительства» [Скуинь 1990: 9]. Именно с Райниса в латышской поэзии начинается новая эпоха. До него латышская литература еще не подключилась в полной мере к вершинам человеческой культуры.

Основные мотивы поэзии Райниса общечеловеческие: любовь, борьба, вечное становление природы и человека, высшие идеалы. Однако во многих случаях эти мотивы преломляются через национальную символику, приобретают зримые черты латышского мировидения. Географические параметры поэзии Я. Райниса чрезвычайно широки: от лесов Вятской губернии, в которой он отбывал ссылку, до небесно-голубой глади швейцарского озера Лугано, рядом с которым он жил в вынужденной эмиграции. Но, конечно же, прежде всего и чаще всего его произведения посвящены родным краям, латышскому народу. Поэтому в его лирике угадываются неназванные голубые латгальские озера, юрмальские дюны, усеянные камнями латышские поля, шелково-зеленые луга, к которым «нагибая бусы ягод, вишня гнется кроной» (Райнис). Все это делает неизбежным употребление латышских фольклорных образов, национальных

символов, элементов латышского языка в русских переводах, подчиненное решению определенных идейно-эстетических задач.

Переводы лирики, изданные в Риге в 1954 г. в первом томе собрания сочинений Я. Райниса, сразу вводят читателя в ситуацию латышско-русского художественного двуязычия. Дело в том, что в этом издании стихотворения имеют два названия: русское переводное и сохраненное в скобках название на латышском языке. Например, «Сам» (*Pats*), «Суровая душа» (*Cieta sirds*), «Бывший друг» (*Bijusais draugs*), «Полевые лилии» (*Lauka lilijas*), «Землепашец» (*Zemnieks*) и т. д. Такой прием дает возможность знатокам поэзии Я. Райниса и латышского языка оценить художественную адекватность перевода названий, которая оказывается не всегда очевидной. Так, вряд ли можно считать удачным перевод названия «*Zvejnieki*», как «Рыбарю», а не «Рыбаки», поскольку это не вытекает из содержания стихотворения и переводит заглавие, а с ним и стихотворение, в иной стилистический регистр (*рыбарь* в толковых словарях дается с пометой *устар.*). Название «Рыбаки» делало бы профессию рыбака современной, созвучной тому времени, что поддерживается и лексемой *рыбак*, употребленной в тексте:

Мы над родным, над отчим краем

Все чаще шелк сетей кидаем,

И сетью мыслей обвиты

Ее и тайны, и мечты.

Все заключаем в сердце так,

Как свой улов в сетях – рыбаки. (Райнис 1954: 373)

Поэтическую оправу в стихах Райниса приобретают народные легенды, сказания, предания, фольклорные образы. Например, в небольшом стихотворении «*Былое*» «оживает у Райниса в чарующем свете вся народная романтика прошлого: песни и костры Ивановой ночи, русалки, пляшущие при свете месяца, ночные песни обездоленного люда на барщине, черный змей, мелющий муку среди моря, брат-заступник, выезжающий на битву; из мглы поднимается

подводный дворец, блестит трехцветное солнце синим, зеленым и красным» [Упит 1954: 6]. Народными аллегориями, символами и образами насыщено стихотворение «Королевна». Здесь и сама королевна, сидящая над прялкой в золотом кресле, с черным псом у кресла, здесь и ушедший под землю замок, стены которого – янтарь, пол – зеленой меди, свод – из перламутра, здесь и грозный день, когда восстанет из-под земли замок с королевой и тепло оденет солнечным покровом всех, рожденных в скорби.

В ряде стихотворений Райниса обыгрываются латышские народные сказания, например, в «Змее», «Нежном свете», «Песне обездоленных» и др. Так, «Нежный свет» построен на сюжете одной из латышских сказок, в которой говорится о девушке, которую забрал к себе месяц, и теперь, в полнолуние, там можно увидеть ее очертания.

*Когда в разлуке мы, родная,
Когда тебя со мною нет,
Не одинок я, ой ущя,
Тебя как лучезарный свет.*

*Ты, нежная, всегда со мною,
Как дева та, что на луне,
Ты – там, за дальней стороною,
Зато душа твоя – во мне. (Райнис 1954: 477)*

К числу национальных символов следует отнести образы моря, сосны и дюны у Я. Райниса. За ними скрывается не только широко узнаваемая примета родного Райнису латышского края – Юрмала. В стихотворениях Я. Райниса они приобретают различный символический смысл: море – источник бури, борьбы, красоты, сосна – негибаемость латышского народа, способного противостоять любым бурям, дюна, песок – податливость и вместе с тем неодолимость, способность принимать любые формы.

*Над морем промчался ветра шквал,
Высокие сосны он сломал, –*

*Морские просторы их взоры влекли,
Согнуться, укрыться они не могли.*

*«Ты, злобная сила, сломила нас.
Но знаем, расплаты настанет час.
Последние стоны в просторы летят
И ветви о вечной борьбе шелестят».*

*И сломанных сосен продлились дни,
Всплывают из волн кораблем они,
И в бурю гордо корабль плывет,
И с бурей снова борьба идет:*

*«Ты, злобная сила, гальку вздымай,
Уж нам открылся блаженный край!
Ломай, расщепляй нас – корабль доплывет
К просторам лазурным, где солнце встает!»*

(Сломанные сосны. Райнис 1954: 94)

Дюна у Я. Райниса – это также один из символов родной поэту Латвии, любимого Юрмальского края. Не потому ли так светла, тепла и солнечна картина природы в стихотворении «*В родных дюнах*» и так созвучно этой картине настроение лирического героя:

*Солнце золотом играет
В листьях, ягоды алеют
В их зеленой глубине.*

*Сверху небо голубыми
На меня глядит очами.*

*На песке лениво внемлю
Затихающей волне.*

*И смеюсь, на солнце нежась,
Сном счастливым забываюсь
На мгновенье. А уж небо:
«День прошел, довольно грезить!» -
Говорит как будто мне. (Райнис 1990: 410)*

К специфическим латышским реалиям следует отнести все, связанное в стихотворениях и переводах с лексемой *барон*. Баронство – это наследие, доставшееся Латвии с времен ее завоевания крестоносцами. При этом даже в современной Райнису Латвии латышский и немецкий барон оказываются не равными. Характерно в этом отношении стихотворение «Серый и черный бароны»:

*Барон на себя остался похожим –
Обтянут он черной или серую кожей...*

*Немецкий – черный, латышский – серый,
Но скроены мы одинаковой мерой.*

*Пускай нас в корчме отделяют стеною,
Сидим за одною мы кружкой пивною!*

*Плюет на серого черный порой,
Но все ж на один мы пошиты покрой. (Райнис 1954: 329)*

Естественно употребление в русских переводах латышских топонимов. Они представлены как в текстах стихотворений, так и в их названиях: *Даугава*, «Берега Даугавы», *Латвия*, *Рига*, *Курземе*, *Видземе*, *Малиена*, *Латгалия*, «Суд в Талсах», *Талсы*, *улица Тукумская*, «На Гризине», *Гризинь*, «Холм Фелькерзама» и др. Латышские топонимы выполняют в русских текстах не только разли-

чительные и адресные функции. Помимо прямой номинации, они служат опознанными наименованиями, часто выступают как символы латышского края, создают местный, локальный колорит, подчеркивают любовь поэта к родным местам. Так, стихотворение «Даугава» - гимн главной реке Латвии, являющейся сердцевинной жизни латышей. Эта река у Райниса связывает латышский народ со всем мирозданием:

*Все воды земные стекают в Даугаву,
Все воды небесные падают в Даугаву,
Все эти воды вбирает она.*

*Из Даугавы днем приходят все песни,
В сумерках сказки, легенды высятся,
Темною ночью загадки рождаются.*

*Души на свет явились из Даугавы,
Все они в Даугаву вновь воротятся,
Даугава поит водою живых.*

*Даугава в реку впадает подземную,
Эта река – в мировое море,*

Даугава души уносит туда. (Райнис 1990: 540)

В русских переводах поэзии Райниса представлены латышские и немецкие антропонимы. Здесь и политические деятели (народные предстатели *Гроссвальд, Чаксте*, барон *Раден*), и литераторы (*Рудольф Блауман*), и поэтические персонажи (*Анцилис, Дэдис, Кранцис, Карлитис, Седлинь, Штейнбок*). В этих именах заключается не только идентификация личности, но и национальный колорит – исторический и бытовой.

Таким образом, национально-культурная специфика переводов Райниса на русский язык заключается в сохранении в сюжетно-тематической структуре

переводов народных легенд, сказаний, преданий, фольклорных образов. Национальную специфику переводам придают национальные латышские символы, опоэтизированные наименования. В собственно языковом плане национальный колорит русским переводам придают латышские названия стихотворений, латышские антропонимы и топонимы. Но, пожалуй, самым важным национальным вкладом Я. Райниса является вклад в общечеловеческие ценности, смысл которого одинаков на разных языках и в разных культурах: «когда идешь земными путями, надежнейший ориентир – далекие звезды бесконечной вселенной. В паутину мелочных забот, в толчею будней Райнис пылающим угольком бросает желание – «Стремись в высь! – единственную силу, способную превозмочь нас самих» [Скуинь 1990: 22].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М.П. Восприятие иностранных литератур и проблема иноязычия // Труды юбилейной научной сессии. Секция филол. наук. Л., 1946.
2. Гачечиладзе Г. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. М., 1980.
3. Гируцкий А.А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы. Мн., 1990.
4. Колас Я. Собр. соч.: В 14 т. Т. 13. Мн., 1977.
5. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М., 1980.
6. Ларин Б.А. Наши задачи // Теория и критика перевода. Л., 1962.
7. Райнис Я. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 1. Рига, 1954.
8. Скуинь З. Гениальность и человечность // Райнис Я. Избр. произв.: В 2-х т. Т. 1. М., 1990.
9. Упит А. Творчество Райниса // Райнис Я. Собр. соч.: В 3-х т. Т. 1. Рига, 1954.

10. Федоров А.В. Основы общей теории перевода: лингвистический очерк. М., 1968.

Summary

The translations of Rainis poetry in the context of bilingualism in works of art

The article deals with national and cultural character of the translations of Rainis verses into Russian. It lies in the preservation of national legends, sagas, folklore images within plotline and thematic structure of the translations. The national Lettish symbols, poeticized names impart a national specific character to the translations. From the proper linguistic viewpoint Lettish poems titles, Lettish anthroponyms and toponyms impart national colorings to the translations into Russian as well.

РЕПОЗИТОРИЙ БГУ